

XVII в.⁵ И уж совсем недопустимо прочтение топонима как «Княйнино» (с. 230, 255, примеч.). Учитывая недочёты в археографической подготовке рукописей, стоит задуматься над тем, какой объём издания посилен составителю, на котором поневоле лежит ответственность главного редактора, и какой должен быть отведён на такое издание срок.

Примечания

¹ См., например: *Черкасова М.С.* Архиерейские окладные книги как источник по землеведению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 133—147.

² Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904. С. 14.

³ *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 237; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 169; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 181.

⁴ *Башнин Н.В.* Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666—1667 гг. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1(17): Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015. С. 243.

⁵ *Словарь русского языка XI—XVII в.* Т. 7. М., 1980. С. 202.

Ирина Шамина

Рец. на: Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века: Исследование и тексты. Вологда: Древности Севера, 2015. 352 с.

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Perepisnye knigi Velikogo Ustyuga nachala XVIII veka: Issledovanie i teksty. Vologda, 2015

Одним из важных направлений археографической деятельности последних десятилетий является введение в научный оборот и публикация материалов государственного кадастра XVI—XVIII вв. Писцовые и переписные книги — многоплановый источник. Они содержат разнообразные сведения по исторической демографии, налогообложению, топонимии, антропонимии и другим вопросам. Издание переписных книг Великого Устюга подготовлено вологодскими историками — И.В. Пугачем и М.С. Черкасовой при участии О.Н. Адаменко, Н.В. Башнина и других исследователей. Оно является продолжением серии публикаций этого коллектива авторов. В 2008 г. И.В. Пугач и М.С. Черкасова издали описание Вологды XVII — начала XVIII в.¹ В 2012 г. вышла публикация таможенных книг Великого Устюга (записной пошлинной книги, содержащей записи с 2 января 1748 г. по 26 июля 1749 г., и досмотровой явочной книги за 3 января 1751 г. — 20 января 1752 г.), хранящихся в Великоустюгском центральном архиве².

Рецензируемое издание включает в себя два описания города — переписную книгу 1710 г.

и ландратскую книгу 1717 г. Для ведения войны со Швецией правительству Петра I требовались значительные финансовые средства, и основным способом пополнения государственной казны были налоги с населения. В условиях хронической нехватки денег перед государством встала задача увеличения числа налогоплательщиков. С целью их учёта в 1710 и 1717 гг. в Российском государстве составлялись переписные книги населения. В числе прочих городов был описан и Великий Устюг. Книги 1710 и 1717 гг. являются наиболее ранними подлинными источниками, хранящимися в Великоустюгском центральном архиве.

Издание открывает вступительное слово доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Е.Н. Швейковской. В историко-археографическом введении приведены сведения о Великом Устюге до XVIII в. Уже в 1398, а затем в 1438 г. в Летописце Льва Вологодина отмечен «град деревянный на посаде в Черном Прилуке» (с. 6). Из летописных источников мы узнаем о пожарах, наводнениях, заморозках, голоде и эпидемиях,

настигавших город. Так, в 1517 г. «апреля в 23 день была на Устюге Великом вода велми грозна, такова из давных лет не бывала никогда, а лдом город стерло и берег срыло, и множество дворов поносило, и людей много потопило»³. Эти и другие сведения, приведенные во вступительной статье, дают представление об условиях жизни горожан и жителей устюжского посада на протяжении нескольких веков.

В разделе «Археографическое описание» приведены полные сведения о публикуемых источниках. Однако не вполне понятно, почему авторы предоставляют читателям данные о водяных знаках на листах публикуемых переписных книг — «водяной знак бумаги — Герб города Амстердама» (с. 24, 25). На мой взгляд, необходимости в этой информации нет, поскольку рукописи датированы, тем более что разновидности филиграней, по которым можно было бы подтвердить датировку, не указаны.

В книге 1710 г. есть постоянные ссылки на переписные книги 1678 г., а в ландратской книге 1717 г. — на выпись посольского дьяка И. Волкова 1682/83 г. из писцовой книги 1675/76—1682/83 гг. Это позволило составителям издания с уверенностью определить их как источники публикуемых описаний. Книга 1710 г. в свою очередь использовалась как источник при составлении ландратской переписи 1717 г. Таким образом, опубликованные в рецензируемом издании книги Великого Устюга укладываются в ряд предыдущих и последующих описаний этого города.

В разделе приведена сравнительная таблица об упомянутых в переписных книгах 1710 и 1717 гг. названиях улиц Великого Устюга и других мест в городе. Однако таблица выглядела бы более полной, если бы авторы включили в сравнение данные опубликованного описания города 1620-х гг.⁴ Это позволило бы проследить динамику развития Великого Устюга и того, как изменялась населённость его улиц на протяжении столетия. Так, например, уже в 1620-х гг. в Устюге были существовавшие и в XVIII в. улицы Вздыхальная, Клин, Никольская, Поперешная. Улицы же Широкая, Вострая, Балчюха и другие к XVIII в. уже исчезли. Вероятно, они запустели в начале XVII в. и не были застроены вновь. Так, ещё в 1620-х гг. на этих улицах описаны лишь «места дворовые»⁵. Такие улицы, как Ленивица и Дресвянка (Дресвянский переулоч) описаны в 1620-х гг. и в 1717 г., но их нет в книге 1710 г. Улица Овсятина существовала в 1620-х гг. и в 1710 г. (с. 34, в указателе географических названий ошибочно указана с. 35), однако в таблице авторы издания её не внесли.

Наглядное представление о том, где располагались слободы Великого Устюга и городские храмы, даёт приведённый составителями «Первый обмерный план Великого Устюга»,

выполненный после пожара 1772 г. (с. 27). Тексты публикации сопровождаются фотографиями отдельных листов рукописей.

В приложении опубликован «Список переписных и ландратских книг по городам и уездам Русского Севера начала XVIII в.», хранящихся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и РГАДА; библиографический список работ; указатели имён, географических и топографических названий, катойконимов (понятие для обозначения жителей по названию места жительства) и этнических наименований, а также указатели профессиональных занятий, центральных и местных государственных и церковных учреждений. На мой взгляд, публикация выиграла бы, если бы составители издания к справочному аппарату добавили комментарии, касающиеся упоминаемых в текстах монастырей, храмов, известных горожан и др.

Издание переписных книг Устюга дополняют две исследовательские статьи. Первая — «Городская семья по переписным книгам Устюга 1710 и 1717 гг.» написана О.Н. Адаменко. Автор дала высокую оценку переписным книгам 1710-х гг. как многоплановым источникам по изучению вопросов народонаселения, социально-экономического развития, местного управления, финансовой политики правительства России в годы Петровских реформ. Публикуемые же переписные книги Устюга 1710 и 1717 гг., по её словам, «впервые максимально полно фиксируют посадское население мужского и женского пола, включая новорожденных детей и дальних родственников, что позволяет... обратиться к изучению посадской семьи во всем многообразии её родственных связей» (с. 287).

Адаменко изучила динамику численности населения Устюга, состав двора, тип семьи, терминологию родства, брачный возраст, разводы и повторные браки, женское и мужское вдовство, особенности братской и многодетной семьи. Она отметила нестабильную динамику численности городских дворов: с 1680-х гг. до 1710 г. количество дворовладений снизилось, затем, к 1714 г., — резко возросло, а к 1717 г. — вновь сократилось. Исследовательница полагает, что такая динамика отчасти явилась следствием городских пожаров и наводнений. Те же факторы стали причинами укрупнения дворов: в них проживали по несколько не родственных семей.

Половозрастная пирамида, по наблюдению Адаменко, была смещена в сторону женского населения, что объяснено массовым бегством из города мужского населения. Однако можно предположить, что мужчины покидали город и по приказам властей — призывались в рекруты или отправлялись на строительство Санкт-Петербурга в качестве мастеровых людей.

Исследовательница отмечает, что распространённым явлением в Великом Устюге было женское вдовство. Свои наблюдения и подсчёты относительно динамики и состава устюжских семей она систематизировала в 15 таблицах. На основе переписных книг Устюга и других источников — писцовых и таможенных книг XVII — середины XVIII в. и ревизий — Адаменко изучила род устюжских «купецких людей» Протодяконовых. Их торговая деятельность развивалась в XVII — первой половине XVIII в., а основным местом торговли был Великий Устюг. Всего исследовательница выявила 6 поколений семьи Протодяконовых и составила генеалогическую схему их рода (с. 302). Автор статьи пришла к выводам, что «в целом для посадской семьи Великого Устюга в 1710-х гг. была характерна сложная многопоколенная семейно-родственная структура: родственники, в том числе дальние, образовывали большой, постоянно взаимодействующий коллектив» (с. 295). В то же время для семей устюжан в этот период была свойственна неустойчивость. Неблагоприятное влияние на их состояние в Петровскую эпоху, по мнению исследовательницы, оказали фискальный гнёт государства, принудительные мобилизации на строительство Санкт-Петербурга, рекрутские наборы и миграции населения.

Автор второй исследовательской статьи «Антропонимия в переписных книгах Устюга Великого 1710 и 1717 гг.» — филолог С.Н. Смольников. Исследователь рассмотрел собственные имена жителей Устюга, содержащиеся в публикуемых источниках, и сопоставил их с материалами писцовых книг XVII в. По словам исследователя, переписные книги «дают богатейший материал для изучения отдельных вариантов личных имён, некалендарных имён и прозвищ, фамилий» (с. 304). В переписных книгах начала XVIII в. антропонимические формулы включали личные имена в полной форме, патроним, образованный от личного имени отца, в конструкции с опорным словом «сын», и фамилию. К тому времени сложился и основной состав устюжских фамилий. Смольников выявил особенность переписных книг начала XVIII в.: в них приводятся личные имена в полной форме. 30 декабря 1701 г. Пётр I издал указ, в котором запрещал именовать людей в официальных документах «полуименами» и «кличками».

Переписные книги 1710 и 1717 гг. содержат данные для изучения истории русского именника. По подсчётам Смольникова, самым распространённым мужским именем в начале XVIII в., как и в предшествующее время, оставалось имя Иван, а также Василий, Пётр, Михаил и Фёдор. Самое распространённое женское имя — Анна. Популярными были также имена Евдокия, Ирина, Марья, Парасковья. Изучив материалы

переписных книг, исследователь пришёл к важному выводу о том, что официальный антропоним XVIII в. не существовал в отрыве от текста, в котором он зафиксирован. В целом же переписные книги начала XVIII в., по мнению автора, «отражают устойчивость, стабильность антропонимической системы официально-деловой сферы, преемственность в её развитии, но в то же время открытость для новаций и сложное взаимодействие старых и новых норм именования» (с. 311).

Центральное место в книге занимают подготовленные на высокоархеографическом уровне тексты источников. Их издание полностью отвечает современным требованиям археографии и источниковедения. Некоторое недоумение, правда, вызывает то, что ссылки в «Историко-археографическом введении» на публикуемые ниже переписные книги отправляют читателя в Великоустюгский архив. Гораздо логичнее и удобнее было бы указывать номера страниц рецензируемого издания.

Переписная книга 1710 г. не содержит преамбулы. Издатели по скрепам установили, что к описанию имели отношение подполковник Елизар Титов и земский посадский староста Иван Оконнишников. В книге описаны дворы горожан, в которых названы все их обитатели, включая женщин и детей обоего пола. Для жителей двора указан возраст и степень родства (жена, дочь, сын, тёща, зять и др.). Во многих дворах, принадлежащих, по всей видимости, зажиточным горожанам, помимо членов семьи проживали работники. В ряде записей в числе работников названы «купленной калмычек», «крепостная девка шведской породы», «купленной человек... мунгал», «купленка кичманка мунгалской породы» и др. Под «мунгалами», по всей видимости, следует понимать бурят. По наблюдениям А.П. Окладникова, «этот народ составлял из своей среды холопов-парней “мунгалской породы”, “мунгалских девок”»⁶. Во многих случаях это были подростки 11–13 лет. Очень часто во дворах посадских людей жили нищие.

Интересной особенностью книги 1710 г. является указание на физические недостатки отдельных горожан: «Дмитрей Гаврилов сын Кабаков... увечен, левая рука обожжена и жилы сволокло» (с. 115); «нишей Сергей Семенов сын Шадриков... увечен грыжною скорбию, на обоих боках прогрызло» (с. 121); «нишей Данило Павлов сын Горлов... увечен, розшибся с колоколни» (с. 130). Подобных записей в переписной книге 1710 г. содержится более 230. В связи с этим составители издания сочли целесообразным составить «Аннотированный указатель народных названий болезней и видов увечности» (с. 349–350). Многие упоминаемые увечья они

попытались объяснить: «желви под щеками» — нарушение узлов лимфатической системы; жа́бная болезнь — грудная жаба, болезнь сердца; «туск на глазах» — помутнение роговицы, бельмо; и др.

По мнению публикаторов, «для переписей Петровского времени вообще было характерно особое внимание к физическому здоровью населения». Они привели в пример ещё несколько переписных книг начала XVIII в., содержащих подобные известия (ландратская книга нижегородского с. Лыскова 1716—1717 гг., переписная книга г. Кашина 1709 г.). Существенными причинами смертности и травматизма людей, по мнению составителей, становились «напасти от наводнений и пожаров». Так, в конце XVII — начале XVIII в. в городе случилось несколько крупных пожаров, унёсших жизни более 300 человек (с. 15). Наводнения же в Устюге, расположившемся в месте слияния двух полноводных рек — Сухоны и Юга, — с различной степенью интенсивности происходили каждую весну.

Описание Великого Устюга в 1717 г. составил прапорщик Иван Неелов, присланный в город из Вологодской губернской канцелярии. Возможно, его помощником был устюжский посадский человек Алексей Каргопольцев. В преамбуле содержится программа составления этой переписной книги. И. Неелов «взял у посацких и всякого чина людей скаски, и жилые дворы и в них людей мужеска и женска полу, и младенцов с летами по имянном осматривал и переписал, а пустые освидетельствовал. А что каких дворов явилось порознь, также и пустых, и что жилых дворах явилось по имянном мужеска и женска полу людей и каковы лета, о том явствует в сей книге ниже сего имянно» (с. 141).

Содержание переписной книги 1717 г. интересно ещё и тем, что в ней описан Устюжский архиерейский дом. Великоустюжская и Тотемская епархия была основана в 1682 г. Ранее в церковном отношении город подчинялся Ростовскому митрополиту. 18 октября 1682 г. первый Устюжский епископ Геласий обратился к царям Ивану и Петру Алексеевичам с челобитной о выделении места под архиерейский двор рядом с Успенским собором, однако «в ходе писцовых работ в 1682 г. указанное им пространство (38 дворов и мест дворовых) официально за владыкой ещё не закрепилось»⁷. Нет указаний на владения архиерея и в переписной книге 1710 г.

В 1717 г. был подробно описан состав архиерейского дома. В штате архиепископа Великоустюжского и Тотемского перечислены казначей, крестовой иеромонах, иеродиакон, погребной и житенной монахи, монах-повар, а также 12 слуг, выполнявших различные работы — портные, повара, конюхи и др. (с. 141—142). Есть указания

на то, чьи дворы располагались на месте архиерейского дома во время переписи 1682 г. — двор Ростовского митрополита, одного из устюжских священников и более 20 дворов и мест дворовых, принадлежавших другим горожанам. Отмечены и причины передачи дворов архиерейскому дому: как правило, «вышеписанных дворов владельцы умре в прошлых разных годах», несколько человек переехали жить в другие районы города. Интересно было бы узнать, на каких основаниях земли горожан переходили в собственность архиерея: это был захват земли или переход права собственности? Выплачивал ли архиерейский дом компенсацию родственникам бывших владельцев дворов?

Один из дворов, чья территория перешла во владение Устюжского архиепископа, в 1682 г. принадлежал купцу Афанасию Федотову Гусельникову. В том же 1682 г. Афанасий Гусельников скончался. По его завещанию в устюжском дворе должна была жить его вдова Федора, а после её смерти он переходил к племянникам — И. и Ф. Гусельниковым. По мнению Л.А. Тимошиной, «двор в Великом Устюге [по сравнению с московским] представлял в глазах гостя гораздо бо́льшую, разумеется, не только материальную, ценность и воспринимался им как уже своеобразное “родовое” владение»⁸. Как видим, судьба владения купца А.Ф. Гусельникова оказалась иной, нежели он планировал.

В данной рецензии внимание обращено лишь на небольшую часть обширного пласта исторических сведений, содержащихся в опубликованных источниках. Таким образом, книга будет полезна историкам, археографам, лингвистам, краеведам и всем, кто интересуется историей России в годы Петровских преобразований.

Примечания

¹ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. В 2 т. / Подгот. к изд. И.В. Пугач, М.С. Черкасова. Т. 1—2. М., 2008.

² Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века / Сост. Г.Н. Чебыкина (отв. ред.), М.С. Черкасова. Вологда, 2012.

³ Летописец города Великого Устюга / Публ. А.Н. Неподобьева // Бысть на Устюзе...: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 140.

⁴ Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Выше-славцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» / Публ. Ю.С. Васильева, Р.П. Биланчука, С.Е. Замараева // Бысть на Устюзе... С. 160—232.

⁵ Там же. С. 223—224.

⁶ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 87.

⁷ Черкасова М.С. Великоустюжский архиерейский дом: Открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 203.

⁸ Тимошина Л.А. Завещание гостя Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения гостей в Русском государстве XVII века // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007 (URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/velik/yiu/stug/8.htm#29>).

Елена Муратова

Рец. на: К.Ф. Дзамихов. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 356 с.

Elena Muratova

(H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia)

Rec. ad op.: K.F. Dзамихов. «V sluzhbe i oborone...». Kabarda i Rossiyskoe gosudarstvo: epokha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e – nachalo 1770-h godov). Nalchik, 2017

Название новой работы Касболата Фицевича Дзамихова достаточно полно раскрывает её содержание. В 2017 г. исполнилось 460 лет со времени установления официальных взаимоотношений Кабарды и Московского государства. Кабардинское посольство 1557 г. в Москву положило начало процессу сближения и последующего вхождения народов современной Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа в состав России. Поэтому обращение к проблеме военно-политического сотрудничества Кабарды и России на длительном временном отрезке (с 1550-х по 1770-е гг.) представляется сегодня особенно актуальным.

Труд К.Ф. Дзамихова основан на анализе значительного корпуса исторических источников, включающих дипломатическую документацию Посольского приказа и Коллегии иностранных дел (царские грамоты, статейные списки, списки с грамот иностранных государей, расспросные речи); материалы по вопросам военной и административной организации русской аристократии (разрядные книги, боярские книги и списки, родословные росписи); летописи XVI–XVII вв.; русские литературные повести, средневековые османские и крымские хроники; записки иностранных авторов о народах Северного Кавказа и Степного Предкавказья; исторические сочинения XVIII–XIX вв. Последние, благодаря обилию содержащихся в них разнообразных материалов, сами выступают как ценные источники. Невозможно найти сколь-нибудь заметную работу по проблеме

исследования, которая не была бы привлечена и осмыслена профессором Дзамиховым.

Раскрывая предпосылки и этапы вхождения Кабарды в политическую орбиту Российского государства, формы и направления их политического взаимодействия на протяжении XVI–XVIII вв., автор затрагивает ряд сюжетов: место Кабарды на этнополитической карте Северного Кавказа изучаемой эпохи и характер её взаимосвязей с другими народами; общественный строй, система власти и управления; внешние и внутренние факторы, определившие для Кабарды необходимость выбора определённой внешнеполитической ориентации и её поворот к тесному сотрудничеству с Российским государством. Исследованы обстоятельства, политический смысл и последствия Кабардинского посольства 1557 г., формы и политико-правовая природа русско-кабардинских отношений в последующий период; масштабы, особенности и значение практики выезда кабардинских (адыгских) князей в Москву как характерной формы политического взаимодействия социальных верхов традиционного кабардинского общества с Российским государством. И, наконец, проанализированы сам процесс сближения и содержание военно-политического сотрудничества Кабарды с Россией, обусловленные как международно-политическим контекстом эпохи, так и интересами внутренней и внешней политики обеих сторон.

Полученные автором результаты по праву позволяют говорить о завершении